

12. ВЕЛИКИЙ МАСТЕР-АРХИТЕКТОР

Великие обязанности, налагаемые на нас наставлением в использовании рабочих инструментов Великого Мастера-Архитектора, которые столь многого требуют от нас, подразумевая при этом, что мы окажемся способными верно и совершенно исполнить их, немедленно заставляют нас поразмыслить над достоинством человеческой природы и нехватными способностями и силами человеческой души. Именно к этой теме я привлекаю ваше внимание в толковании данного градуса. Давайте начнем восхождение от Земли к звездам.

Человеческая душа вечно стремится к Господу, к Свету, к Бесконечности. Особенно в своих горестях. Слова бессильны передать всю глубину трагедии. Мысли, плодящиеся в молчании и навечно уходящие в бесконечность и вечность, не имеют материального воплощения. Там, в этом бесконечном пространстве, мыслей больше, чем когда-либо изрекали человеческие уста. И они не нуждаются в человеческом сочувствии – скорее, в помощи свыше. В глубоком горе есть некое одиночество, избавиться от коего способен один лишь Господь. В этом своем бесконечном одиночестве человеческое Сознание борется с великими бедами земной жизни, ища ответы на свои вопросы в великой Бесконечности, которая неизменно приводит его к Богу.

В нас есть много такого, о чем мы сами не имеем определенного представления. Пробудить это спящее сознание и тем самым направить его вверх, к Свету, вот величайшая и важнейшая задача каждой человеческой души, будь орудием труда этого человека лопата, перо или язык. Мы не представляем себе, насколько огромна и непостижима наша собственная внутренняя жизнь. Здоровье и болезнь, радость и горе, успех и поражение, жизнь и смерть, любовь и утрата любимого, знакомые и часто срывающиеся с наших уст слова, но откуда нам знать, какие потаенные струны наших душ они затрагивают?

Мы не способны осознать истинное значение ни единого из известных нам понятий до тех самых пор, пока не утратим то, что оно обозначает. Бесчисленные органы, мышцы и фибры нашего организма неизменно и постоянно выполняют свое предназначение внутри нас, в то время как мы совершенно не представляем себе значение каждого и каждой из них. Но стоит одному из наших органов выйти из строя или нам – не дай Бог – потерять его, как тут же мы понимаем, для чего он служил, насколько он был важен для наших покоя и счастья и насколько это невозполнимая утрата теперь. Нам не дано осознать все значение таких слов, как «собственность», «покой» и «здоровье», весь глубокий смысл с детства привычных понятий «родители», «дети», «любимые», «друзья», пока люди, которых мы привыкли так называть, не покидают нас, возможно, навсегда; пока на месте такого простого, такого материального, такого привычного человека не появляется темная и пугающая тень, которая есть ничто; и мы протягиваем к ней руки, которые никогда и ничего не нащупают, мы пытаемся проникнуть сквозь пугающую тьму отчаяния своим взором, но и этому не суждено быть. Но и в этой тьме мы не теряем тех, кого привыкли видеть рядом с собой и любить. Они становятся для нас еще реальнее, еще дороже. И все то хорошее, что мы творим, тоже не тускнеет и не теряется вдали, а совсем наоборот – становится еще ярче и

реальнее, при этом навсегда оставаясь в бесконечной и вечной Реальности; так и настоящие любовь и дружба навечно запечатываются во всем своем блеске холодной каменной печатью смерти.

Смутное осознание присутствия великой тайны и величественной неизвестности преследует нас во всех простейших жизненных событиях. Величие и страх Господень преследуют нас во всех мелочах привычного нашего земного быта. Грубый крестьянин откуда-нибудь из Апеннин, уснувший у подножия величественной колонны древнеримского храма, казалось бы, не видит и не слышит стада, которое он привык выгонять на луга в своих горах – он лишь видит во сне его образ. Но даже сквозь полусмеженные веки он не может не услышать – пусть и в отдалении, – могущественные хоралы и не узреть – пусть и смутно, – сияющие золоченые арки Вышнего мира.

Так и душа, как бы ни была она погружена в заботы земной жизни, никогда не забывает о том, кто она такая, где ее место и что находится выше и вокруг нее. Арена ее действий в материальном мире может быть сколь угодно мала; пути, которыми она следует, сколь угодно знакомыми и проторенными; материи, которыми она занимается, сколь угодно избитыми и затасканными от постоянного использования. Так и бывает чаще всего, ибо именно в таких условиях нам и приходится чаще всего жить. Так мы и проживаем нашу маленькую жизнь; но Небеса остаются над нами, а Природа продолжает окружать нас и пребывать от нас в непосредственной близости; Вечность – впереди и позади нас; Солнце и звезды хранят молчание у нас над головами, но слышат и видят нас. Вечность – вокруг нас. Нас окружают бесконечно огромные пространства и безгранично могущественные силы. Пугающий свод тайны распростерся над нами, и сквозь него не способен проникнуть ни единый звук. Вечность вращается среди мириадом и мириадом звезд небесного свода на их недостижимой для человеческого разума высоте, и ни разу ни единого слова не донеслось до нас из этих далеких и безмолвных пространств. Там, наверху, пребывает неизрекаемое Величие; и повсюду вокруг нас Оно распространяется в бесконечность; а внизу, под Ним, протекает ничтожная борьба за ничтожную жизнь, этот ничтожный бытовой конфликт, это подножие величественного понятия Времени.

Но именно от этого подножия во всепоглощающую Вечность возносятся все слова, все звуки музыки, отражающиеся от небосклона, волнение и поступь толпы, радостные клики и вопли смертельного ужаса; также и среди треволнений и шума видимой жизни, из самых душевных глубин материального человека ввысь возносится молящий зов, вопиющий к помощи стон, невысказанная и не могущая быть высказанной мольба об Откровении, в своих стенаниях и практически бессловесных страданиях молящая о падении пугающего свода тайны, дабы заговорили звезды, молчаливо плывущие над пучиной человеческого бренного бытия, дабы обрели голос царящие над ним ужасные и пленительные высоты, дабы приблизились таинственные и скрытные небеса, дабы все они вместе сообщили нам то, что известно им одним о том, что мы любили и что утратили, кто мы есть и для чего, куда мы идем.

Над человеком склонился свод непостижимых чудес. И вокруг него, и внутри него – то, что наполняет все его существование неизрекаемыми величием и святостью. Частица святости и возвышенности была ниспослана Небесами в душу каждого живого существа. Нет на свете

существа настолько низменного, чтобы и в нем не осталось хотя бы частицы святости; может быть, столь малой и столь несовместимой со всем остальным в его облике, что он тщательно скрывает ее от окружающих; той частицы святости в его душе, куда более нет доступа никому, в некоем потаенном сердечном убежище, где хранятся воспоминания его детства, образы его достойных родителей, воспоминания о чистой любви, эхо однажды сказанных ему от чистого и доброго сердца слов, эхо, которое никогда не умрет.

Жизнь – это не бренное, не мирское и не суетное существование. Все наши шаги сопровождаются шагами наших мыслей, которые значительно шире наших земных шагов, которые многие полагают воспоминаниями о нашем предсуществовании. Поэтому они вечно сопровождают нас, пока мы идем избитыми и утомительными путями земных странствий. То, что мы видим в этом мире, это еще далеко не весь мир. Жизнь, которую мы проживаем на Земле, это еще не вся жизнь. Незримое и извечное Присутствие никуда не девается, оно остается с нами – это ощущение чего-то несравненно более великого, нежели все, чем мы владеем, ощущение поиска чего-то благого за пределами, казалось бы, бескрайних пустот жизни, воззвание из глубин самого сердца к объяснению, воспоминания уже умерших, которые играют на самых тонких струнах этих величественных таинств.

Все мы обладаем способностью не только к обретению откровений свыше, но и способны ко многому другому в пределах того, что нам и так уже известно. Какая-либо нависающая опасность может способствовать развитию в нас способностей и сил, которые значительно превосходят нашу обычную природу; и Небеса зачастую посылают нам подобные испытания именно для того, чтобы эти способности и силы наконец проявились в нас. Вряд ли существует на свете семейство настолько самовлюбленных людей, которое, будь ему приказано избрать одного из своих членов – родителей и их детей – для принесения в жертву, стало бы выбирать: ибо каждый сделал бы шаг вперед со словами: «Убейте меня, но не заставляйте делать выбор». И разве действительно не каждый, освободясь от пелены сомнений и даже инстинкта самосохранения, возвысившись над ними, скажет, уподобляясь тем самым достойным отцу и сыну из истории Древнего Рима: «Да падет удар на мою голову!». Во всех нас есть много гораздо лучшего и более достойного, чем требует от нас этот мир и чем мы сами знаем; и только бы нам вовремя обнаружить в себе все это! И поэтому частью нашего извечного масонского труда является обнаружение этих черт Божественной силы и самоотверженности в самих себе, возрождение в самих себе казалось бы навечно утраченных жертвенности и великодушия, казалось бы навечно забытых воспоминаний о Господней милости и доброте к нам, и стремление положиться на них и позволить им управлять нашими поступками.

Надо всеми состояниями человека на этой Земле довлеет один неизменный и бесстрастный Закон. Всем судьбам, всем кажущимся случайными событиями, будь они плохи или хороши для нас, разум придает особенный характер. В действительности все они суть не то, чем они являются, а то, чем они кажутся тем, кто претерпевает их на своем жизненном пути. Царь может быть жадным, низким, падшим, рабом своих страстей, амбициозным, пугливым. А простой крестьянин может быть истинным нравственным Царем, господином своей судьбы, свободным и

возвышенным существом, которое счастливее князя, достойнее земного монарха.

Человек – это не пена на волнах собственных судеб, беспомощный и лишенный ответственности за события своей жизни. При одних и тех же обстоятельствах разные люди достигают совершенно различных результатов. Те же самые трудности, неудачи, бедствия, нищета, которые совершенно ломают одного человека, другого укрепляют и возвышают нравственно. И истинно человеческой славной чертой является способность подчинять обстоятельства своей возвышенной духовной природе, и именно сила воли и умение владеть собой отличают человека достойного от человека падшего.

Нравственная воля, которую развивают у ребенка, становится новой чертой его врожденной Божественной сущности. Это вступающая на сцену новая его могущественная сила, ниспосланная Небесами. Никогда еще и никакой человек не падал столь низко, чтобы не быть способным – в силу Господнего дара снова воспрянуть. Ибо если Господь велит ему воспрянуть, он точно воспрянет. Каждый человек обладает способностью и силой и обязан использовать их: превращать все жизненные ситуации в испытания, а все соблазны – в средства возвышения своих добродетелей и достижения счастья; он не является продуктом стечений жизненных обстоятельств, скорее, он их господин и управляет ими, используя для того, чтобы они – плохие или хорошие – делали из него нравственное существо.

Жизнь – это то, что мы делаем из нее, и мир – это то, что мы делаем из него. Глаза и жизнерадостного, и расстроенного человека взирают на одно и то же Творение; но смотрят они на все окружающее с разных сторон. Одному из них все кажется прекрасным, все вселяет в него радость: и волны, которые Океан перекачивает в лунном свете, и горы, залитые рассветными лучами. Жизнь видится ему сверкающей и переливающейся в каждой капле росы на лепестке цветка, в каждом древесном листке, трепещущем на ветру. Во всем он видит нечто большее, чем доступно простому зрению; он видит присутствие неизъяснимой радости в холмах и долинах, в поблескивании танцующих вод. Другой же человек праздно и грустно взирает на те же самые картины, и все видится ему мрачным, бессмысленным и пустым. Поскрипывание древесных ветвей раздражает его, в реве моря слышатся ему угроза и гнев, торжественная музыка просыпающихся утром сосен звучит для него отходной молитвой по оставившему его счастью, благословенные лучи зари режут ему глаза своим блеском. Смена времен года проходит мимо него похоронной процессией, и он со вдохом отводит взор. В определенной степени человеческий глаз создает то, на что взирает; ухо в определенной степени создает мелодии и звуки, которые слышит; внешний мир вообще склонен отражать мир внутренний.

Да не забывает масон никогда, что жизнь и мир обычно являются тем, что мы из них творим посредством нашего внутреннего мира и настроения наших душ, нашим приспособлением, или стремлением приспособиться, к реалиям общественных условий, отношениям и целям окружающего мира. Для самовлюбленных, холодных и бесчувственных, для чванливых и суеверных, для обуянных гордыней, требующих большего, нежели то, на что они могут рассчитывать, для завистливых, пребывающих в вечном страхе, что чего-то недополучат в этой жизни, для чрезмерно чувствительных к плохому или хорошему отношению к себе окружающих,

для всех нарушителей общественного закона, для грубых, жестоких и бесчестных, для рабов низменных страстей, для всех них общественные условия, по определению, являются фактором раздражающим, разочарованиями, болью, все в соответствии с их личными чертами. Милосердие и искренняя привязанность не будут окружать таких людей в жизни; холодный встретит к себе лишь холодность; горделивый столкнется с еще большей гордыней; раб страстей падет жертвой гнева другого; жестокий – грубости. Забывающий о правах других да не удивится, если будут попорчены его собственные права; склоняющийся до самой земли и ниже ради обретения чувственнейших из наслаждений да не удивится, что никто не снизойдет до того, чтобы поднять из пыли его поруганную честь и не вернет ему доверие и честь перед лицом общества.

А вот к доброму будут добры многие; к учтивому – многие учтивы. Благой человек постигнет и благодать этого мира; человек честный постигнет честность мира; человек принципиальный познает и принципы, управляющие поведением окружающих.

Нет такой милости, которую человеческое сознание не способно было бы превратить в горчайшее зло; и нет таких испытаний, которые оно не было бы способно превратить в величайшее и возвышеннейшее благо. Нет таких соблазнов, против которых уязвленная добродетель не обрела бы силу, вместо того, чтобы пасть пред ними, пораженная и запятнанная. Действительно, соблазны обладают огромной силой, и добродетели часто бывает суждено пасть; но сила этих соблазнов отнюдь не в них самих, а в несовершенстве нашей собственной добродетели и слабости нашего собственного сердца. Мы чересчур полагаемся на неуязвимость и прочность наших бастионов и крепостных стен, позволяя тем самым врагу незаметно и без особого труда подводить под них подкопы и возводить осадные башни. Соблазн недозволенного наслаждения или незаконной прибыли делают достойного человека лишь более достойным, а чистого сердцем – лишь еще чище. Он заставляет их души возноситься до небес праведного гнева. Но в то же время несчастливая случайность, неблагоприятное стечение обстоятельств, испытание соблазном могут привести к вечному позору и крушению человека. Достойный и честный человек никогда не станет дожидаться, пока враги приблизятся и захватят все его редуты, оставив ему лишь последнюю линию обороны.

Но бесчестному, нечистому, лживому, чувственному и порочному человеку случаи пасть жертвой соблазна предоставляются каждый день и даже каждый час, каждую минуту, на любом пути и в каждом закоулке жизни, мысли и воображения. Он готов сдать еще до первой атаки; он высылает парламентаря с белым флагом навстречу наступающему противнику, как только он появится ввиду стен его крепости. Он сам создает такие ситуации, а если они не создаются, к нему приходят злые мысли, и он широко раскрывает им навстречу ворота своего сердца и обращается с ними со всей широтой сердца, на которую способен.

Земные, мирские дела поглощают, унижают и порочат разум одного человека, в то время как в другом человеке они выращивают и пестуют достойнейшие независимость, милосердие и великодушие. Для одних удовольствия – яд, для других – здоровое отдохновение. Для одних мир – великая гармония, подобная великой и торжественной симфонии; для других – это огромная и душная фабрика, шум и скрежет оборудования которой врезается ему в уши и сводит с ума. В принципе, жизнь одинакова

для всех живущих. Но тем не менее, одни в течение ее возвышаются к могуществу и славе, а другие, испытывая те же самые соблазны и обладая теми же самыми преимуществами, тем не менее, низвергаются в пучину позора и забвения.

Но честное и откровенное стремление к совершенствованию всегда приносит успех и высшее счастье. Только сочувственно вздыхать при виде страданий человеческих – удел неразвитого, зачаточного ума, и такой неразвитый ум – чаще всего не беда, а вина человека; Божественное Провидение наставляет его на истинный путь искупления этой вины. Со временем такой разум обретет счастье, обязательно пропорциональное его мудрости и вере. Если разум низмен, он сам устилает путь человека терниями; человек напарывается на них и воссылает вверх стоны и мольбы; и чем горестнее и обильнее эти жалобы, тем яснее для всех и каждого становится, что он сам устал терниями свой путь.

Духовность пронизывает практически все деяния и вещи нашего быта. Никакое деловое предприятие невозможно без хотя бы зачаточной веры в человека; нельзя даже вырыть яму в земле, не будучи хотя бы отчасти уверенным в еще не достигнутом, но достижимом результате. Нельзя ни сделать что-то, ни помыслить о чем-то, ни шагу сделать, не будучи уверенным хотя бы в зачаточных внутренних принципах своего духовного устройства. Пристрастия и межчеловеческие связи, надежды и жизненные интересы коренятся в духовной сфере; и мы прекрасно знаем, что разорвись эта основополагающая связь – мир будет ввергнут в хаос.

Так верьте же в то, что Бог есть; что Он наш Отец; что для Него как Отца важно, чтобы нам было хорошо и мы совершенствовались; что Он даровал нам силы и способности избежать греха и падения; что Он назначил нам Жизнь Грядущую, исполненную бесконечного движения вперед и вверх, к познанию Его Самого, верьте в это, ибо в это должен верить каждый истинный масон, и вы будете жить в мире и покое, терпеливо выносить все искушения, упорно трудиться, с радостью приносить себя в жертву, надеяться на лучшее, и тем самым станете победителями во всех сражениях земной жизни. А отними у нас хотя бы один из этих принципов – что от нас останется? Предположим на секунду, что Бога нет, или что нет надежды, совершенствования и победы, что нет Жизни Вечной, не будет вечного покоя для утомленных, не будет пристанища на груди Господней для беспокойной и метущейся души; что Бог есть всего лишь слепой и низменный случай, наносящий удары вслепую; или что Он есть, – по зрелой оценке того, что именно Он Собою представляет, величайшее ничто, великое Безразличие ко всему доброму и злему; или что Он – это завистливый и жестокий божок, мстящий своим новым детям за грехи их отцов и пращуров и насылающий оскомину на внуков человека, поевшего кислого винограда; или не терпящая возражений авторитарная высшая Воля, заставляющая людей поступать хорошо и не поступать плохо потому только, что Ей Самой так нравится, и оставляющая за собой право изменить основополагающий Закон в любую минуту и так, как это нравится Ей Самой; или низменное, подверженное страстям и порокам божество; или жестокий и кровожадный бог древних евреев или пуритан, предположим только все это – и немедленно падем жертвой случайности и отчаяния, станем несчастными странниками на лице опустошенной, позабытой, ненавистой и ненавидящей Земли, пребывающими во тьме и неустанно сражающимися со все новыми

препятствиями, в поте лица своего и в полном мраке добывающими скудные и не приносящие удовлетворения плоды, отвлекаемыми сомнениями и обманывающимися вспышками ложного света; путниками без конечной цели, без пути вперед и без дома, куда можно было бы вернуться; приговоренными к неизбежной смерти матросами на корабле, плывущем в темноте по бурному морю без карты и компаса и не видя звезд, чтобы ориентироваться хотя бы по ним; корабля, который без руля и без ветрил отдает себя на волю жестоких, безжалостных волн, и нет среди туч впереди ни проблеска ночного неба с направляющим светом звезды, сулящей отдохновение и покой.

Таким образом, религиозная вера, которой учит масонство, незаменима для достижения в жизни великих целей, а потому изначально была предназначена для того, чтобы являться частью жизни каждого человека. Мы созданы для этой веры, и каждого из нас должно быть нечто, во что можно было бы верить. Без этого нельзя ни вырасти здоровыми, ни жить счастливо. Поэтому в вере – истина. Если возможно было бы вырвать из души каждого человека принципы, в которых наставляет масонство, то есть веру в Бога, в бессмертие, в добродетель, в изначальную праведность, душа непременно впадет в порок, соблазн, отчаяние и таким образом придет к полному краху. Если возможно было бы отнять у человека сознание этих великих истин, он непременно и немедленно опустился бы до уровня животного.

Ни единый человек не способен страдать терпеливо, бороться и побеждать, совершенствоваться и обрести счастье, если он, подобно простому скоту, лишен совести, надежды, веры в мудрого, справедливого и милосердного Бога. В силу необходимости мы просто обязаны полагаться на великие истины, в которых наставляет масонство, и жить в соответствии с ними, и быть счастливы. «Вера моя – в Бога», это протест масона против идеи жестокого, мстительного и мелочного бога, которого его дети должны скорее бояться, чем почитать.

Общество, во всей совокупности его неизмеримо сложных взаимоотношений, в такой же мере является творением Всевышнего, в каком им является система Вселенной. Если бы силы тяготения, которые связывают между собой все части этой великой системы, в какой-то миг перестали действовать, Вселенная была бы немедленно повергнута в дикий безмерный хаос. И если бы внезапно разрушились все нравственные связи в обществе, если бы оно утратило понятия истины и единства, верховной власти и совести, оно также немедленно было бы объято ужасной анархией и пало бы. Посему религия, в которой мы наставляем, является таким же неоспоримым принципом мироздания, как сила тяготения.

Вера в нравственные принципы, в добродетель и в Бога так же необходима для управления человеком, как инстинкты – для управления поведением животного. А поэтому вера как основополагающий принцип человеческого бытия является в глазах Господа такой же нерушимой основой, как инстинкт – основой бытия животного. Радости сердечные также зависят от определенных принципов. Для них необходимо признание существования души, ее свойств и ответственности, совести и чувства Высшей власти; а это суть принципы Веры. Все во Вселенной имеет определенные и неизменные принципы действия: звезда на своей орбите, зверь в своих рысканиях, земной человек в своей деятельности. Но существуют точно такие же определенные и неизменные законы и для

духовной жизни. Душа человека не умирает потому только, что ее некому вылечить или наставить на путь истинный. Любой душе этот путь поможет найти разум. Из кроны раскачивающегося в бурю высокого кипариса раздается испуганный крик молодого ворона; и было бы удивительно если бы подобный, пусть и неслышный, клич не воссылала бы в небеса страдающая, обиженная и несчастная душа в минуты житейских невзгод. Полное отрицание всякого нравственного и религиозного руководства выбивает из любого человека, как искру, принцип, столь же важный для его природы, сколь важен принцип тяготения для звезд, инстинкт – для животного, а кровообращение – для жизни человеческого тела.

Господь назначил нам, чтобы жизнь наша была общественным достоянием. Мы являемся членами гражданского общества. Жизнь этого общества целиком и полностью зависит от нравственного климата в нем. Общественный долг, разум, праведность, умеренность, доброта, чистота в быту сделает это общество счастливым и принесут ему процветание и долгую жизнь. А широко распространенные эгоизм, бесчестность, неумеренность, вольнодумство, коррупция и преступность непременно сделают его несчастным и вскоре приведут к падению. Весь народ живет жизнью единой; единое могучее сердце бьется в его груди; кровь его подчиняется единому ровному пульсу. Это единый жизненный поток, состоящий из десятков тысяч взаимно переплетенных рек и ручьев, стекающихся в единый дом человеческой любви. Звук одной-единственной капли всего этого множества вод, единый пронзительный горестный вздох немедленно возносится во вместилище всенародной души.

Общество не есть пустая абстракция; также и ничто творимое против Общества, против общественного интереса, закона или добродетели не должно проходить бесследно для совести и сознания. Жизнь общества это расширенное толкование и распространение жизни каждого отдельно взятого человека, океан слез, целая атмосфера вздохов или наоборот – великие единые радость и счастье. Общество страдает страданиями миллионов, радуется радостями миллионов. Какое же великое преступление совершает каждый отдельный человек – частный или общественный деятель, агент или фабрикант, законодатель или правительственный чиновник, сенатор или президент – если он осмеливается своими гневом или недостойным поступком нанести удар в грудь общественному Благу, поощряя и распространяя коррупцию и изменность, постыдно продавая и покупая голоса избирателей или государственные посты, разрушая доверие и связи привязанности и любви, разрушая единство нации! Какой же великий преступник тот, кто своими грехами, как острыми кинжалами, пронзает сердце, питающее животворящей кровью целый океан человеческих жизней, которым нация является!

С другой стороны, какая великая выгода для общества – в добродетели каждого, кого мы любим! В добродетели его, и более нигде, таится величайшее из сокровищ мира. Что нужды нам в нашем брате или друге, если нас не заботят его честь, достоинство, добродетель и верность? Какого достоинства исполнена для сына добродетель отца! Как священна его репутация! Никакое несчастье так не удручает верного сына, как отцовское бесчестие. Любой родитель, будь он язычник или христианин, желает своему детищу только всех благ, а потому изливает на него все источники отцовской любви в одной только надежде, что все у его сына будет хорошо, что он окажется достоин всех отцовских усилий и

добровольно претерпленных страданий, что он будет следовать путями чести и счастья. На этих путях он не сможет преодолеть ни единой ступени, не имея добродетели. Такова жизнь в ее проявлениях. Тысячи связей облакают нас сетью, подобной сети тончайших нервов, подобной струнам изысканного музыкального инструмента, способного издавать сладчайшие звуки, но немедленно начинающего фальшивить, если струна рвется вследствие гнева, самонадеянности или грубости каждого играющего на нем музыканта.

Если чья бы то ни было воля способна была сделать жизнь бесчувственной к боли и страданию; если бы сердце человеческое уподобилось прочностью и жесткостью граниту, тогда скупость, амбиции и чувственность проторили бы в ней свои каналы и вскоре сделали бы их привычными и обжитыми водными артериями; и никто бы не удивился этому и не восстал бы против такого положения вещей. Если бы мы терпеливо и безропотно несли бремя земного существования, подобно тому, как это делают звери, тогда у нас, как у зверей, также и все мысли были бы устремлены к земле, и никакой призыв возвышенных и недостижимых Небес не сбил бы нас с привычного и низменного пути.

Но мы, к счастью, не бесчувственные невежды, которые не способны ответить на призыв разума и совести. Душа способна к угрызениям. Когда великие превратности судьбы обрушиваются на нас, мы страдаем, грустим, рыдаем. А страдания и горе нуждаются в иных спутниках, нежели мирская жизнь и неверие. Мы ни за что не желаем нести бремя сердечных мук: страха, тревоги, разочарований и беспокойства, без всякой пользы и цели. Мы не желаем страдать, болеть, терпеть унижения, терять дни и месяцы, которые в противном случае могли бы протекать в радостях и удобстве, а так затемнены горестями и суетами, без всякого за это вознаграждения в будущем; менять все сокровища жизни на эти самые страдания сердечные; не желаем задаром, ни за что отдавать кровь жизни нашей, свежесть наших щек, наши слезы и горестные вздохи. Человеческая природа, уязвимая, чувственная, страстная и страдающая, не позволяет стерпеть жертву бесцельную.

Всегда и повсюду человеческая жизнь является великим и торжественным деянием. Человек, в своих страданиях, радостях, любви, ненависти, надеждах и страхах крепко привязанный к земле и при этом неустанно исследующий таинства Вселенной, тем самым обретает способность общения с Господом и Его ангелами. Это великое дело земного существования под возвышенным покровом Времени; но в покрове этом есть отверстия, позволяющие нам время от времени бросить взгляд в Вечность. Господь благосклонно взирает на эти дерзания Своего человечества. Мудрецы и праведники всех времен содействовали этому своими учениями и своей кровью. Все существующее вокруг нас, каждый миг существования Природы, каждый совет со стороны Провидения, каждое повеление Господне посвящены одной и той же цели – сохранению верности и веры людской. И даже если духи давно умерших, но никем не забытых людей в полночь неслышно проходят в запертые двери наших жилищ, если окутанные сиянием призраки неслышно проплывают по нефам церквей и восседают среди нас в масонских Храмах, их учения для нас будут не более красноречивы и впечатляющи, чем ужасные реалии нашей жизни, воспоминания о впустую потраченных годах, призраки упущенных возможностей, которые, взывая к совести человеческой и

Вечности, неустанно крича нам прямо в уши: «Трудись при свете дня, ибо грядет смертная тьма, когда престанет время труда!».

Общество не проявляет признаков страдания в годину душевной болезни. Человек склонен рыдать, когда смерть постигает тело, и, сопровождая его к месту последнего пристанища, люди идут молчаливой и скорбной процессией. Но о погибшей душе никто не плачет и не горюет открыто; по ней никто не устраивает пышных похорон.

Тем не менее, душа и разум человеческие обладают значением, которого нет более ни у чего. Потому они и достойны такой заботы, которой не удостоивается ничто больше в мире; и для каждого отдельно взятого человека они должны обладать такой ценностью, какой также не обладает более ничто. Сокровища его сердца, неисчерпаемые алмазные копи его души, бескрайние поля мысли, бездонные склады человеческих надежд и святых привязанностей, все они сверкают ярче золота и стоят много дороже всяких сокровищ.

Но в действительности область сознания изучена мало и мало кому интересна. И тем не менее, она есть все, что представляет собой человек, его внутреннее «я», его Божественная энергия, его бессмертные мысли, неограниченные возможности, бесконечные устремления, и все равно, цена всего этого интересует очень немногих и крайне редко. Мало кто способен разглядеть родственным ум за рубищем нищего, за бременем жизненных трудностей, за ежедневным давлением бытовых испытаний, нужд и желаний. Мало кто способен радоваться своему разуму, признавать его, довольствуясь при этом весьма скромным жребием, и при этом осознавать достоинство как нынешнего земного, так и грядущего небесного своего существования.

Человек не привык ценить свою душу. Он привык гордиться силой своего ума, но внутреннюю, сокрытую от поверхностного наблюдателя цену своего разума он зачастую просто не способен постигнуть. Бедняк, допущенный на прием в величественный дворец, ощущает себя просто незначительным элементом убранства палат, сколь возвышенным и неземным существом он бы ни был в действительности. Он видит проезжающую мимо роскошную карету материального богатства и немедленно забывает о внутреннем вечном достоинстве своего разума, который тонет в унижительной и низменной зависти, и человек начинает ощущать себя ничтожно малым существом, потому только, что кто-то другой стоит выше него, пусть лишь во внешних проявлениях, а не по уму или собственным достоинствам. Человеку свойственно уважать самого себя тем больше, чем выше он поднимается по лестнице обретения богатства, чинов, славы среди людей, власти над людьми, все больших и больших милостей со стороны власть предержащих.

Разница между людьми состоит не столько в их внутреннем содержании или возвышенности ума, сколько в способности к общению. Кое-кто более способен ораторствовать и достойно облекать в слова свои мысли. Но все люди способны в большей или меньшей степени эти мысли ощущать. Слава гения и добродетельный поступок, если их правильно и достойно преподать, проникают в умы миллионов людей. Когда говорят ораторское мастерство и поэзия, когда создают зримые образы такие великие искусства как живопись, скульптура и музыка, когда свое веское слово успевают вовремя вставить такие великие добродетели как милосердие, патриотизм и великодушие, сердца тысяч и тысяч людей

воспламеняются благодарным и радостным огнем. Если бы дело обстояло не так, в мире не было бы места красноречию, ибо красноречие есть искусство говорить так, чтобы отзывалось сердце другого, это искусство заставлять сердце другого отзываться на свои слова. Ни единый человек не в состоянии пасть столь низко, чтобы хотя бы раз в жизни не отозваться на прекрасное сияние добродетели. Ни одно сердце в мире не может состоять из металла столь грубого, или столь грязного, чтобы хотя бы раз в жизни не отозваться всеми своими фибрами на зов чести, патриотизма, великодушия и добродетели. Бедный африканский раб погибает за господина или госпожу, или за любимых детей. Нищая, потерянная, всеми отверженная и презренная женщина, не ожидая за это никакого вознаграждения, берет на воспитание и вскармливает из своего скудного подаяния совершенно чужих ей детей, пусть и живет в промерзшей и кишасей паразитами хижине. Простой карманник бросается во время пожара на стену, чтобы спасти из ревущего пламени совершенно незнакомых ему женщину или ребенка.

Это славная способность человека! Это способность к общению с Господом и ангелами Его, отражение Света Несотворенного, вогнутое зеркало, способное сфокусировать и собрать в своем центре все красоты Вселенной! Именно душа, и только она, придает значение всем творениям мира сего; лишь возвышая свою душу до точки, изначально предназначенной ей в мироздании, мы оказываемся способны правильно понять цель существования этой Земли и себя на ней. Ни скипетр, ни трон, ни вековая династия, ни обширнейшая из империй не могут сравниться в величии с одной этой простой мыслью. Только посредством размышления над этой идеей постигается Творец всего сущего. Только она одна есть ключ к раскрытию всех тайн и таинств Вселенной, сила, царящая над пространством, временем и самою вечностью. Она одна под Господом является величайшей сеятельницей меж людьми благословения и славы, которые только доступны для человека. Добродетель, Небеса и Вечность не существуют и никогда не будут существовать для нас, кроме как в чувствах, восприятии и мыслях славного и возвышенного разума.

Брат мой, полагая, что ты внимательно выслушал и понял наставление данного градуса, а также что ты вполне ощущаешь честь и достоинство своей личности и огромные возможности своей души творить как добро, так и зло, я продолжу и далее вкратце поведаю тебе основные символы этого градуса.

Слово, начертанное древнееврейскими и самаритянскими литеррами на Востоке над пятью колоннами, есть «АДОНАЙ», одно из Имен Божьих, чаще всего переводимое как «Господь», то самое Имя, которым иудеи по сей день во время молитвы заменяют Истинное Имя Господне, которое для них неизрекаемо.

Пять колонн пяти различных ордеров архитектуры¹ обозначают для нас пять основополагающих разделов Древнего и Принятого Шотландского Устава, а именно:

1. Тосканский – первые три градуса – голубое, или первичное (примитивное) масонство.

¹ В классической архитектуре ордеров (типов колонн и капителей) было три – дорический, ионический и коринфский; впоследствии римляне модифицировали коринфский и создали тосканский; смешанный (композитный) ордер был создан в эпоху Возрождения. – Р. Х.

2. Дорический – от четвертого до четырнадцатого – неизрекаемые градусы.
3. Ионический – пятнадцатый и шестнадцатый – градусы Второго Храма.
4. Коринфский – семнадцатый и восемнадцатый – градусы Нового Закона.
5. Смешанный (композиционный) – от девятнадцатого до тридцать второго – философские и рыцарские градусы.

Полярная звезда, которая для нас всегда неизменна и неподвижна, олицетворяет точку в центре круга, то есть Господа в центре Вселенной. Это также символ долга и веры. Этой и семи оборачивающимся вокруг нее звездам приписывается магический смысл, который будет тебе открыт впоследствии, если тебе дозволено будет следовать далее, к изучению философских доктрин древних Израиля и Иудеи.

Звезда Утренняя², восстающая на Востоке, а также Юпитер, именованный древними иудеями «צדק» «Цадок, или Цадик» «справедливость», является для нас символом вечно приближающейся зари совершенства и масонского Света.

Три Великих светоча ложи в данном градусе предстают нам символами Могущества, Мудрости и Милосердия Господних. Также они являются символами первых трех сефирот, или Божественных эманаций, в соответствии с учением Каббалы: Кетер – всеильной Божественной Воли, Хохмы – способности Божественного Разума создавать мысли, и Бины³ – разумной Божественной способности производить мысли на свет, причем, названия двух последних из них обычно переводятся как Мудрость и Понимание и являются, соответственно, активной и пассивной, положительной и отрицательной сторонами, суть какого деления мы пока не будем с тобой разбирать. Это также колонны Яхин и Боаз, стоящие у портала нашего Храма.

Старейшина над Архитекторами (בר מניב – «рав банаим») символизирует в этом градусе конституционную главу исполнительной власти и свободного правительства; посему этот градус наставляет в том, что никакое свободное государство не способно просуществовать долго, если оно перестает избирать своими руководителями лучших и мудрейших из своих государственных и общественных деятелей; когда оно обходит таких деятелей вниманием и позволяет группировкам, замешанным на личной выгоде отдельных фракций, избирать в руководители низменных, бесчестных, незначительных людишек, в руки которых отдает судьбы

² В данном случае Пайк имеет в виду Юпитер, хотя далее в книге он отождествляет со звездой Утренней Венеру, что соответствует точке зрения Вергилия, изложенной им в особой эклоге (VIII, 15), где он пользуется ставшим в наше время одиозным словом «*Lucifer*». Вообще же, название Звезды Утренней, судя по Книге Иова (38:7) могло присваиваться любой планете, видимой на востоке небосклона непосредственно перед восходом Солнца. Естественно, включая Венеру. – Р. Х.

³ Одна из сфирот, Божественных эманаций, посредством которых объясняется бытие Божие в оккультной философии Каббалы. Третья из них – Бина – чаще всего именуется «пониманием». Это первая сфера на колонне Суровости, однако ей традиционно соответствует женский род, в противовес Хохме – Мудрости – первой сфере на колонне Милости, которой приписывается мужской род. Бина воплощает животворящую силу, которая, оплодотворенная Мудростью, производит на свет человеческий разум, или мысль (Даат). Интересно, что в Каббале Мудрость мужского рода, а в Книге Притч (1, 3, 8, 9) – явно женского. – Р. Х.

целой страны. Кроме всего прочего, существует Божественное право на власть, и им обладают лишь мудрейшие, праведнейшие и вообще самые лучшие представители каждого народа мира. «Боже! даруй царю Твой суд и сыну царя Твою правду, да судит праведно людей Твоих и нищих Твоих на суде; да принесут горы мир людям и холмы правду; да судит нищих народа, да спасет сынов убогого и смирит притеснителя, и будут бояться Тебя, доколе пребудут солнце и луна, в роды родов»⁴.

На сей раз, брат мой, довольно. Мы приветствуем тебя среди нас, в этом мирном оплоте добродетели, дабы пользовался ты всеми правами, дарованными тебе и разделил с нами наши радости и горести наши.

⁴ Псалом 71:1-5. – Прим. перев.